

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЕННЫЕ МУЗЕИ МИРА	
Музей Кемал Ататурка в Анкаре (Публикация С.П. СИДОРОВА) <i>Museum of Kemal Ataturk in Ankara (Publication of S.P. SIDOROV)</i>	2-я стр. обл.
МУНДИР ОТЕЧЕСТВА	
«Афганка» образца 1984 года <i>"Afghan uniform" of the 1984 sample</i>	2-я стр. цв. вкл.
ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА	
Монгольский памятный знак участникам боёв у Халхин-Гола <i>Mongolian memorial sign for participants of the fights at Halkhin-Gol</i>	4-я стр. цв. вкл.
ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО	
Р.С. АВИЛОВ — Восточный Сибирский военный округ (1865—1884 гг.): страницы истории R.S. AVILOV — <i>East Siberian military district (1865–1884): pages of history</i>	3
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.	
И.И. БЕЛОУСОВ — «Если дела в России пойдут и дальше так, как сейчас, то, возможно, что будущей весной второй фронт и не понадобится!» I.I. BELOUSOV — <i>«If the situation in Russia is continuing as now, it's possible that the next spring the second front won't be needed yet»</i>	10
А.Ю. БЕЗУГОЛЬНЫЙ — «Войска Северной группы какого-либо значительного успеха не достигли...». Попытка Ставки ВГК скоординировать контрнаступление советских войск под Сталинградом с наступлением на Северном Кавказе в ноябре—декабре 1942 года A.Yu. BEZUGOL'NY — <i>«The Northern group's troops haven't achieved any significant success...». How the Supreme Command tried to coordinate the Soviet counter-offensive near Stalingrad with the offensive in the North Caucasus in November–December 1942</i>	14
В.В. ЧЕРНЯВСКИЙ — Депортация гражданского населения юга УССР на принудительные работы в Третий рейх и Румынию в 1941—1944 гг. V.V. CHERNYAVSKY — <i>Deportation of the Ukrainian SSR's civilian population for forced labour to the Third reich and Romania in 1941–1944</i>	17
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ	
А.А. КОЧЕШКОВ — Тегеранская конференция 1943 года как отражение советско-иранского сотрудничества в борьбе с фашизмом A.A. KOCHECHKOV — <i>The 1943 Tehran conference as a reflection of the Soviet-Iranian cooperation in the struggle against fascism</i>	24
ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ НАУКИ	
В.Г. КИКНАДЗЕ — Первые научные работы П.А. Жилина (1947—1949 гг.). К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Академии наук СССР генерал-лейтенанта Павла Андреевича Жилина V.G. KIKNADZE — <i>The first scientific works by P.A. Zhilin (1947–1949). By the 100th anniversary of the birth of corresponding member of the Academy of sciences of the USSR lieutenant-general Pavel Zhilin</i>	32
АРМИЯ И ОБЩЕСТВО	
Ю.Е. МАНОЙЛЕНКО, А.С. МАНОЙЛЕНКО — Закрыть благотворительное учреждение «за истощением находившихся в его распоряжении средств». Благотворительная деятельность Порт-Артурского комитета в 1905—1906 гг. Yu.Ye. MANOYLENKO, A.S. MANOYLENKO — <i>Close the charitable facility «due to exhaustion of the means, which were at its disposal». The charitable activities of the Port Arthur committee in 1905–1906</i>	34
ПОЛКОВОДЦЫ И ВОЕНАЧАЛЬНИКИ	
И.В. БОЧАРНИКОВ — А.П. Ермолов: стратег и дипломат I.V. BOCHARNIKOV — <i>A.P. Yermolov as a strategist and diplomat</i>	39
НА РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	
И.М. ГОСТЕВ — Береговая оборона Архангельска в XVIII веке I.M. GOSTEV — <i>Coastal defence of the city of Arkhangelsk in the XVIII century</i>	44
ТОЧКИ ЗРЕНИЯ. СУЖДЕНИЯ. ВЕРСИИ	
В.Е. ПОЛЯКОВ — «Всею душой Мокроусов ненавидит комиссаров, не признаёт никаких приказов, в том числе и т. Сталина». Организационные и кадровые вопросы в деятельности крымских партизан в 1941—1944 гг. V.Ye. POLYAKOV — <i>«With all his heart Mokrousov hates commissars, does not recognize any orders, including those signed by comrade Stalin». Organizational and personnel issues in the activities of the Crimean partisans in 1941–1944</i>	47
Д.М. ШАРОВ — «Современные исследователи, похоже, избегают всестороннего и глубокого анализа исторических источников». Отражение на страницах современных периодических изданий деятельности Д.А. Милюткина в должности военного министра (1861—1881 гг.) D.M. SHAROV — <i>«It seems that modern researches prefer to avoid all-round and in-depth analyses of historical sources». The activities of D.A. Milyutin as the war minister (1861–1881) as they are reflected in the contemporary periodicals</i>	54
ЗАБЫТОЕ ИМЯ	
С.С. БЛИЗНИЧЕНКО — «В связи с отсутствием состава преступления». Судьба флагмана 1 ранга И.М. Лудри S.S. BLIZNICHENKO — <i>«Owing to the absence of elements of a crime». The fate of flagman 1 rank I.M. Ludri</i>	58
ВОЕННАЯ СИМВОЛИКА	
А.В. КОЗЛОВ — «Халхин-Гол. Август 1939» A.V. KOZLOV — <i>«Halkhin-Gol. August 1939»</i>	66
ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОГО ОБМУНДИРОВАНИЯ И СНАРЯЖЕНИЯ	
А.В. ПЕЧЕЙКИН — По опыту боёв в Афганистане A.V. PESHEYKIN — <i>On the base of the Afghanistan battles' experience</i>	68
ВОСПОМИНАНИЯ И ОЧЕРКИ	
И.М. ВАШКЕВИЧ — Звезда моей судьбы. К 90-летию газеты «Красная звезда» I.M. VASHKEVICH — <i>The star of my destiny. By the 90th anniversary of the «Red star» newspaper</i>	70
ПО СТРАНИЦАМ РЕДКИХ ИЗДАНИЙ	
Военная галерея, воспетая А.С. Пушкиным: «У русского царя в чертогах есть палата...» <i>The Military Gallery sung by A.S. Pushkin: «The Russian tsar has the chamber in his halls...»</i>	3-я стр. обл.
ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ	
Первый народный гимн России <i>The first National Anthem of Russia</i>	4-я стр. обл.

ВОСТОЧНЫЙ СИБИРСКИЙ ВОЕННЫЙ ОКРУГ (1865—1884 гг.): СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Аннотация. В статье освещается история Восточного Сибирского военного округа в контексте проведения российских военных реформ 1860—1870 гг. и развития внешнеполитической обстановки.

Ключевые слова: военно-окружная система Российской империи; военные реформы 1860—1870 гг.; Восточный Сибирский военный округ.

Summary. The article highlights the history of the Eastern Siberian military district in the context of the Russian military reforms of 1860—1870s and the foreign policy situation's development.

Keywords: military district system of the Russian empire; military reforms of 1860—1870s; Eastern Siberian military district.

На сегодняшний день история военных реформ 1860—1870 гг. в Российской империи в целом достаточно детально изучена отечественными и зарубежными учёными, как, впрочем, и военно-окружная реформа — одна из базовых составляющих проводившихся преобразований. История же конкретных военных округов, созданных на территории империи в результате этой реформы, по-прежнему остаётся малоосвещённой. Особенно это касается так называемых периферийных территорий России — обширных пространств, лежавших за пределами европейской части страны и существенно отличавшихся от неё по целому ряду параметров, в том числе — Восточной Сибири и Дальнего Востока.

В РОССИИ военно-окружная реформа, инициированная военным министром Д.А. Милютиним, проходила в три этапа и была направлена на унификацию системы местного военного управления на всей территории империи, в том числе в Восточной Сибири. Специфика её проведения здесь состояла в том, что военно-окружное управление внедрялось в регионе с ещё не устоявшимся административно-территориальным делением, хотя опыт военного управления со времён учреждения Восточно-Сибирского генерал-губернаторства (1822) уже имелся.

Высочайше утверждённое 6 августа 1864 года «Положение о военно-окружных управлениях» в течение следующего года дорабатывалось для удобства применения его к отдельным периферийным территориям империи, в том числе Восточной Сибири. За это время были тщательно рассмотрены разработанные генерал-губернатором Восточной Сибири генерал-лейтенантом М.С. Корсаковым проекты устройства в Восточной Сибири военно-окружного управления и преобразований находившихся там войск, согласованы все прочие мнения и проекты¹. 6 августа 1865 года Александр II утвердил дополнения к «Положению...», в которых повелел: «Для местного управления военными силами и учреждениями на Кавказе, в Оренбурге, Восточной и Западной Сибири образовать военные округа: Кавказский, Оренбургский, Восточный и Западный Сибирские»².

Важно отметить, что создан был именно Восточный Сибирский военный округ, и лишь впоследствии его название начали писать по-разному, например Восточно-Сибирский — по аналогии с созданным ранее и существовавшим параллельно генерал-губернаторством. Однако в приказах, приказах и других важнейших документах всегда значилось первоначальное, официальное название округа.

Поскольку начавшиеся ещё во времена генерал-губернаторства Н.Н. Муравьёва-Амурского дискуссии об административно-территориальном делении Восточной Сибири к 1865 году завершены не были, а военно-окружную реформу было необходимо провести, то созданный Восточный Сибирский военный округ территориально совпадал с уже существовавшим Восточно-Сибирским генерал-губернаторством. В его состав вошли территории Иркутской и Енисейской губерний, Якутской, Приморской, Амурской и

Забайкальской областей, а также остров Сахалин. Характерной особенностью нового округа стали размеры: по площади он оказался приблизительно равен всем остальным военным округам России вместе взятых! Поэтому структуру его управления, в основе которой лежала типовая структура военных округов, пришлось несколько изменить, а полномочия отдельных органов и лиц заметно расширить.

Во главе Восточного Сибирского военного округа (ВСВО) стоял обладавший широкими полномочиями командующий войсками округа, он же генерал-губернатор Восточной Сибири, назначавшийся непосредственно императором. Первым обе должности занял М.С. Корсаков. Ему подчинялись все находившиеся в округе войска, а по хозяйственной части он являлся председателем Военно-окружного совета³. Примечательно, что de jure он подчинялся напрямую императору, на имя которого должен был (через военного министра) посылать ежегодные «Всепопданные отчеты».

Высшим учреждением ВСВО для ведения военно-хозяйственных дел был Военно-окружной совет. Кроме председателя (командующего войсками округа) в его состав входили: начальник окружного штаба; особый член, назначавшийся военным министром; начальники местных военных управлений: окружной интендант, окружной начальник артиллерии, заведующий инженерной частью округа, окружной военно-медицинский инспектор. Особенностью совета были более широкие права и полномочия. При сильной удалённости Восточной Сибири от Петербурга, её географических особенностях и слаборазвитой системе связи эта мера была логична и оправданна. От типового состав совета ВСВО отличался отсутствием окружного инспектора военных госпиталей, обязанности которого «вследствие громадности расстояний, на которых разбросаны госпитали», были возложены на начальников местных войск в губерниях и областях.

Порядок управления вошедшими в состав ВСВО Забайкальской, Амурской и Приморской областями остался прежний — через военных губернаторов этих областей, подчинённых по военной части командующему войсками нового округа. Якутская область, Енисейская и Иркутская губернии управлялись, как и прежде, только гражданской администрацией⁴.

«ЕСЛИ ДЕЛА В РОССИИ ПОЙДУТ И ДАЛЬШЕ ТАК, КАК СЕЙЧАС, ТО, ВОЗМОЖНО, ЧТО БУДУЩЕЙ ВЕСНОЙ ВТОРОЙ ФРОНТ И НЕ ПОНАДОБИТСЯ!»

Аннотация. В статье оцениваются результаты военных операций на советско-германском фронте в 1943 году и их влияние на решение союзников об открытии второго фронта в Европе.

Ключевые слова: летне-осенняя кампания 1943 года; победы Красной армии; Тегеранская конференция.

Summary. The article evaluates the results of the military operations at the Soviet-German front in 1943 and their influence on the allies' decision to open the second front in Europe.

Keywords: summer-and-autumn campaign of 1943; victories of the Red Army; Tehran conference.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ситуация, сложившаяся в мире к началу 1944 года, во многом определялась успехами, достигнутыми Советским Союзом в напряжённой борьбе с нацистской Германией и её союзниками в 1943 году. События на советско-германском фронте в летне-осенней кампании того года убедительно показали, что в войне наступил коренной перелом.

Красная армия сорвала планы командования вермахта затянуть войну на длительный срок путём стабилизации линии противоборства на выгодных в оборонительном отношении естественных рубежах: Восточный фронт проходил ещё вдали от границ Третьего рейха и европейских сателлитов Германии. Агрессоры продолжали оккупировать часть России, Эстонию, Литву, Латвию, Белоруссию, Правобережную Украину, Молдавию.

Проведение советскими войсками крупных наступательных операций в летне-осенней кампании 1943 года не дало возможности Германии усилить свою группировку войск на Средиземноморском ТВД. В результате создались благоприятные условия для осуществления активных наступательных действий войск союзных СССР стран. Поражение вермахта в Курской битве заставило немецкое военно-политическое руководство перебросить значительные резервы для восполнения понесённых потерь, что «стало громадным подспорьем англо-американским войскам в проведении в июле 1943 г. успешной высадки на Сицилию, а затем в Южную Италию»¹.

Ряд побед, одержанных Красной армией над немецко-фашистскими войсками, внесли существенные изменения в развитие мировых военно-политических процессов и кардинально изменили расстановку и соотношение сил на международной арене.

В тот период политическое, экономическое и военное сотрудничество Советского Союза, США и Великобритании приобрело более конструктивный характер. Союзники по антигитлеровской коалиции стремились наладить сотрудничество в борьбе с Германией и её сателлитами, искали и находили взаимоприемлемые пути решения возникавших спорных вопросов.

Подводя итоги летне-осенней кампании, Верховный главнокомандующий, Председатель Государственного Комитета Обороны И.В. Сталин в своём докладе 6 ноября 1943 года отметил, что «результаты и последствия побед Красной Армии далеко вышли за пределы советско-германского фронта, изменили всё дальнейшее течение мировой войны

и приобрели крупное международное значение. Победа Союзных стран над общим врагом приблизилась, а отношения между союзниками, боевое сотрудничество их армий, вопреки ожиданиям врагов, не только не ослабели, а, наоборот, окрепли и упрочились... союзники подвергли и продолжают подвергать основательной бомбардировке важные промышленные центры Германии и тем самым значительно ослабляют военную мощь врага... регулярно снабжают нас разным вооружением и сырьём... можно сказать без преувеличения, что всем этим они значительно облегчили успехи нашей летней кампании»².

Во второй половине 1943 года советские войска разгромили крупные группировки войск и в ходе общего наступления прошли с боями на запад от 500 до 1300 км и освободили около $\frac{2}{3}$ оккупированной советской территории³. Противник ожесточённо сопротивлялся, и «не по своей воле немцы оставили важнейшие сельскохозяйственные районы Кубани, Дона, Левобережной Украины, крупнейшие промышленные центры — Донбасс, Запорожье, Днепрпетровск, Кировоград и другие. Их вышибла оттуда наша Красная Армия»⁴. Однако цена военных побед для нашей страны оставалась высокой. В период летне-осенней кампании 1943 года наступавшие советские войска несли большие потери в личном составе и боевой технике. Всего в течение второго полугодия Красная армия потеряла свыше 18 тыс. танков и САУ и до 6500 самолётов⁵. Но и потери противника за этот период составили более 3000 танков и штурмовых орудий и около 10 тыс. самолётов⁶. За весь год враг лишился более 14 тыс. самолётов, более 25 тыс. танков и потерял более 4 млн солдат и офицеров⁷. Приведённые данные отражают ожесточённость и накал военного противоборства на советско-германском фронте.

В ходе проведения наступательных операций Красной армией были сокрушены замыслы немецкого командования по организации «эластичной обороны» и созданию мощных оборонительных рубежей, подобных так называемому Восточному валу на Днестре. В битве за Днепр впервые было достигнуто тесное и широкомасштабное взаимодействие наступавших войск с партизанскими соединениями и отрядами. Активные и решительные действия партизан вынуждали командование вермахта снимать с фронта и отправлять на борьбу с ними боевые соединения и части. Непосредственное участие в захвате переправ через Днепр, Десну и Припять принимали 11

«ВОЙСКА СЕВЕРНОЙ ГРУППЫ КАКОГО-ЛИБО ЗНАЧИТЕЛЬНОГО УСПЕХА НЕ ДОСТИГЛИ...»

Попытка Ставки ВГК скоординировать контрнаступление советских войск под Сталинградом с наступлением на Северном Кавказе в ноябре—декабре 1942 года

Аннотация. Статья посвящена наступательным действиям войск Северной группы Закавказского фронта в рамках оперативно-стратегического взаимодействия советских войск в период контрнаступления Красной армии под Сталинградом и на ростовском направлении.

Ключевые слова: Закавказский фронт; Северная группа войск; Конная армия; контрнаступление; И.В. Тюленев; И.И. Масленников.

Summary. The article is devoted to the offensive actions of the Northern group of the Transcaucasian front as part of operational-and-strategic interaction of the Soviet troops during the counter-offensive of the Red army near Stalingrad and in the Rostov area.

Keywords: Transcaucasian front; Northern group of troops; Cavalry army; counter-offensive; I.V. Tyulenev; I.I. Maslennikov.

С О ВТОРОЙ половине сентября 1942 года Ставка ВГК, Генеральный штаб и руководство фронтов сталинградского направления приступили к планированию и подготовке контрнаступления против группировки войск Германии и её союзников в районе Сталинграда. Советское командование учитывало, что успешные действия Красной армии вынудят вермахт для спасения ситуации перебрасывать сюда войска с других участков советско-германского фронта, что могло бы поставить под угрозу срыва ход операции. С целью воспрепятствования переброске было решено нанести ряд вспомогательных ударов на других участках этого фронта и тем самым сковать силы противника. Наиболее крупная его группировка действовала на тот момент в районе ржевско-вяземского выступа к западу от Москвы. Однако Ставка исключала возможность быстрой перегруппировки крупных сил с западного и северо-западного направлений на юг, поскольку для этого требовалось много времени. Кроме того, наличие здесь крупных группировок советских войск держало в постоянном напряжении германское командование. Поэтому решение на наступление действовавших в районе ржевско-вяземского выступа войск Западного и Калининского фронтов было принято Ставкой ВГК только 13 ноября, так что на планирование и подготовку наступления на западном направлении отводилось всего около двадцати дней (директива на наступательную операцию в этом районе была подписана 8 декабря 1942 г.).

Северо-Кавказская группировка противника была меньше, чем ржевско-вяземская, но находилась ближе к району Сталинграда и имела в своём составе значительное количество подвижных соединений, которые гитлеровское командование могло использовать для деблокирования намечавшихся к окружению под Сталинградом войск 6-й и 4-й танковых армий. Большая часть моторизованных войск действовала в составе 1-й танковой армии против Северной группы войск Закавказского фронта — три танковых (3, 13 и 23-я дивизии) и одна моторизованная — СС «Викинг», а также Особое моторизованное соединение «Ф», что составляло около трети всех имевшихся у противника подвижных соединений на южном крыле советско-германского фронта. Эти обстоятельства вызвали необходимость проведения вспомогательной наступательной операции именно на этом участке, причём синхронно с действиями войск сталинградского направления.

Со второй половины октября советское Верховное командование начало втягивать Закавказский фронт в орбиту подготовки зимнего наступления. Ставка ВГК и Генеральный штаб непосредственно руководили планированием операции части Север-

ной группы войск Закавказского фронта (9 армия, 10-й гвардейский и 9-й стрелковые корпуса 44-й армии и 4-й гвардейский кавалерийский корпус). 25 октября этот план, предусматривавший в том числе окружение и уничтожение моздокско-малгобекской группировки противника (основных сил 1-й танковой армии вермахта), был отпущен в Москву и уже вечером того же дня директивой Ставки № 170680 за подписями И.В. Сталина и А.М. Василевского утверждён, причём в него были внесены существенные дополнения. Директивой определялась дата готовности войск к операции — 3 ноября, начало же наступления должно было быть указано «специальным распоряжением Ставки». Очевидно, что этот срок увязывался по времени с началом наступательных действий фронтов сталинградского направления, которые также первоначально планировались на начало ноября (9—10 ноября).

Однако подготовка к наступлению была сорвана начавшимся 25 октября и ставшим неожиданным наступлением немецких и румынских войск на Нальчик и Орджоникидзе (Владикавказ). Заканчивавшие сосредоточение в исходных районах для наступления войска в срочном порядке были переброшены в район Орджоникидзе. Серьёзные просчёты в оценке сил, группировки и намерений противника, допущенные командованием Северной группы войск при планировании собственных действий на конец октября—ноябрь 1942 года, обернулись не только неожиданным прорывом фронта оборонявшейся на её левом фланге ослабленной в предыдущих боях 37-й армии и выходом врага на подступы к Орджоникидзе, но и тем, что подготовка вспомогательной наступательной операции была отложена почти на две недели и затем продолжилась в условиях острого цейтнота, что не могло не сказаться негативно на её осуществлении.

До 12 ноября 1942 года Северная группа войск проводила Нальчикско-Орджоникидзевскую оборонительную операцию, в ходе которой были разгромлены 13-я танковая дивизия, полк «Бранденбург», серьёзный урон нанесён 23-й танковой дивизии и другим частям врага. Однако полностью уничтожить их не удалось. Вскоре танковые соединения противника восстановили боеспособность и сумели остановить начавшееся в развитие успеха в районе Орджоникидзе наступление войск 9-й армии. Следует отметить, что в период Нальчикско-Орджоникидзевской оборонительной операции войска Северной группы Закавказского фронта объективно выполняли задачу по сковыванию сил противника, поскольку в наступательных действиях были заняты основные подвижные силы его 1-й танковой армии. После поражения немецких войск под Гизелью проводившаяся в раз-

ДЕПОРТАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЮГА УССР НА ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ В ТРЕТИЙ РЕЙХ И РУМЫНИЮ В 1941—1944 гг.

Аннотация. В статье исследуется процесс набора рабочей силы на территории юга УССР для потребностей экономики Третьего рейха, а также политика румынской оккупационной власти в «Транснистрии».

Ключевые слова: оstarбайтеры; принудительный труд; оккупационный режим; вербовочная кампания; «Транснистрия».

Summary. The article considers the process of labour recruitment in the south of the Ukrainian SSR for the Third Reich's economy and the Romanian occupation authorities' policy in Transnistria.

Keywords: ostarbeiters; forced labour; occupation regime; recruiting campaign; Transnistria.

Массовые депортации советского гражданского населения на принудительные работы в Третий рейх в 1941—1944 гг. происходили на всех временно оккупированных территориях СССР, в том числе и на юге Украинской ССР. В постсоветский период эту проблему исследуют не только российские историки, но и украинские¹. Однако до сих пор в научной литературе не освещён вопрос о том, существовала ли корреляция между масштабами вербовочных кампаний и экономическими планами вермахта.

СОГЛАСНО утвердившемуся в постсоветской историографии мнению немецкие оккупационные власти, изымая рабочую силу с советских территорий, преследовали единственную цель — обеспечить трудовыми ресурсами экономику рейха. Естественно, что реализация подобного курса подразумевала игнорирование объективных потребностей местной промышленности. По моему мнению, подобный подход можно использовать только там, где в рамках исследуемого региона отсутствовали факторы, влиявшие на ход и масштабы вербовочной кампании. Ведь в таких стратегически важных для оккупантов районах, как, например, юг УССР, наличие морских портов, судостроительных и судоремонтных предприятий требовало сохранения существовавшей инфраструктуры. В противном случае вермахт рисковал потерять контроль над всей системой черноморских коммуникаций. Очевидно, что эта ситуация не могла не влиять на объёмы мобилизации рабочей силы в Германию, которые должны были коррелировать с потребностями местной промышленности. Кроме того, существовал ещё один фактор — земли современной Одесской и западные районы Николаевской областей согласно «Бендерскому договору», подписанному 30 августа 1941 года между Третьим рейхом и Королевством Румыния, попали в зону действия румынской оккупационной администрации, которая пыталась проводить самостоятельную политику².

В середине августа 1941 года немецкие войска оккупировали Николаевскую область, а на протяжении сентября—октября заняли практически всю территорию современной Херсонщины. Разделение полномочий оккупационных администраций на временно захваченных землях юга УССР было произведено следующим образом: восточные районы Николаевской области и левобережная часть Херсонской области попали в состав генерального округа «Николаев», к которому также присоединили земли современной Кировоградской области. В результате площадь этой административной

единицы составила 466 860 кв. км, а население — 1 960 853 человека. Генеральный округ «Николаев» делился на 13 округов и 60 районов, также на его территории существовали три штаткомиссариата: Николаев, Херсон, Кировоград. Чиновничий аппарат практически полностью состоял из немцев, а вся полнота власти концентрировалась в руках генерал-комиссара, который назначался непосредственно А. Гитлером. В 1941—1944 гг. эту должность занимал генерал Э. Опперман³.

Граница между немецкой и румынской оккупационными администрациями проходила по реке Южный Буг. Зона румынских полномочий располагалась западнее её течения и состояла из двух крупных административных единиц. Территория современного Аккерманского района Одесской области и Молдавская ССР вошли в состав губернаторства «Бессарабия», которое соответственно «Бендерскому договору» было аннексировано Румынией. Остальные земли Одесской области и западные районы Николаевской стали частью губернаторства «Транснистрия», образовав семь его префектур. На этой территории румыны об-

Один из боёв на подступах к Херсону 1941 г.

Из фондов Николаевского краеведческого музея

ТЕГЕРАНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ 1943 ГОДА КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВЕТСКО-ИРАНСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ

Аннотация. Автор анализирует советско-иранское сотрудничество во время Второй мировой войны, кульминацией которого, по его мнению, стала Тегеранская конференция 1943 года; значение Ирана для антигитлеровской коалиции и его роль в борьбе с фашизмом.

Ключевые слова: Вторая мировая война; СССР; Иран; Великобритания; США; Тегеранская конференция 1943 года.

Summary. The author analyzes the Soviet-Iranian cooperation during the Second World war with the Tehran conference in 1943 as the war's culmination, the importance of Iran for the anti-Hitler coalition and its role in the fight against fascism.

Keywords: World war II; USSR; Iran; Great Britain; United States; Tehran conference in 1943.

В ЭТОМ году исполняется 70 лет со времени проведения конференции руководителей СССР, США и Великобритании в Тегеране (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Она подробно освещена в мировой историографии, но «за кадром» остаётся роль Иранского государства в проведении конференции и во Второй мировой войне в целом, что волнует современных иранских учёных. «Полное игнорирование роли Ирана в победе стран-союзниц во Второй мировой войне привело к тому, что подавляющее большинство населения России, стран СНГ и мирового сообщества практически ничего не знают об этих важнейших страницах мировой истории»¹, — с горечью пишет историк М.Х. Махдиян.

В то же время и сами иранцы принижают значение конференции. Пример тому статья «Тегеранская конференция», опубликованная на сайте иранского Института политических наук и исследований, в которой основной упор сделан на фактах пренебрежительного отношения союзников к иранскому населению и невыполнении их обязательств в отношении Ирана².

Масла в огонь подливают заявления политиков. В декабре 2009 года президент Ирана М. Ахмадинежад объявил, что намерен оценить ущерб, нанесённый его стране пребыванием воинских контингентов стран антигитлеровской коалиции, и потребовать от «международных институтов» компенсировать его «для восстановления прав иранского народа». При этом иранский лидер не упомянул ни Тегеранскую конференцию, ни роль Ирана в войне, фактически отведя ему роль «пассивного наблюдателя»³.

Заявление президента поддержал духовный лидер Исламской Республики Иран (ИРИ) аятолла А. Хаменеи. В 2012 году на церемонии поминовения усопшего имама Р. Хомейни он так высказался о Тегеранской конференции: «Главы трёх союзных держав — Рузвельт, Черчилль, Сталин — прибыли в Тегеран и, не спросив разрешения, не выразив малейшего уважения к стране, не показав даже паспортов, по своему желанию провели здесь заседание. Они не выразили уважения Мохаммеду Резе-шаху, который в то время царствовал в Иране. Не отправились навестить его. Он сам пошёл к ним, и когда вошёл в зал, они не встали его поприветствовать»⁴.

У иранских историков, зажатых в столь жёсткие идеологические рамки, нет возможности дать более объективную оценку Тегеранской конференции. В результате упускается из виду то, что встреча «большой тройки» в Тегеране была первой международной конференцией на высшем уровне, проходившей на иранской земле и имевшей судьбоносное значение для всего человечества.

В 1944 году британский посол Р. Буллард писал: «Все события минувшего года затмила для Персии историческая Тегеранская конференция... возбуждавшая интерес и польстившая тщеславию шаха, правительства и всей нации»⁵.

В то время иранцы прекрасно сознавали важность конференции не только для союзников, но и для Ирана. Доказательством тому служит позитивный отзыв иранского писателя А. Хамзави о конференции в его речи, зачитанной в январе 1944 года в Лондоне, в Королевском институте международных отношений⁶.

Как в наше время заявил российский исследователь С.Б. Дружиловский, «роль Ирана значительно весомей того места бессловесного исполнителя воли великих держав, которую ему обычно приписывают, а его политика по оставлению собственных интересов в годы Второй мировой войны была целенаправленной и в целом эффективной»⁷.

Попытаемся объективно оценить вклад этого древнего средневосточного государства в общую победу прогрессивных сил человечества над фашизмом.

П ОСЛЕ нападения гитлеровской Германии на СССР важная внешнеполитическая задача Москвы состояла в том, чтобы добиться сплочения антигитлеровской коалиции в целях открытия Второго фронта и не допустить втягивания в войну на стороне Германии новых сил, в том числе соседей СССР, занимавших важное стратегическое положение у его границ, — Турции, Ирана и Афганистана, которых Берлин рассматривал как потенциальных союзников.

Турция во главе с соратником К. Ататюрка президентом И. Иненю на протяжении войны сохраняла нейтралитет. Афганистан при участии советских спецслужб и дипломатии избавился от разветвлённой сети немецкой агентуры и пере-

ПЕРВЫЕ НАУЧНЫЕ РАБОТЫ П.А. ЖИЛИНА (1947—1949 гг.)

К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента Академии наук СССР
генерал-лейтенанта Павла Андреевича Жилина

Аннотация. В статье исследуются первые научные публикации члена-корреспондента Академии наук СССР генерал-лейтенанта П.А. Жилина.

Ключевые слова: П.А. Жилин; история военного искусства; Институт военной истории МО РФ.

Summary. The article examines the initial scientific publications of the corresponding member of the Academy of sciences of the USSR lieutenant-general P.A. Zhilin.

Keywords: P.A. Zhilin; history of the art of war; Institute of military history of the RF Defense ministry.

18 марта 2013 года научная общественность отметила 100-летие со дня рождения члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора исторических наук, профессора, лауреата Ленинской и Сталинской премий, первого начальника Института военной истории Министерства обороны СССР (1966—1987) генерал-лейтенанта Павла Андреевича Жилина. У мемориальной доски П.А. Жилина на здании Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации состоялся митинг, посвящённый его памяти, а в стенах института — расширенное заседание учёного совета.

В СВОЁМ докладе на учёном совете генерал-полковник Б.П. Уткин, участник Великой Отечественной войны, долгие годы знавший и работавший с П.А. Жилиным, отметил следующее: «Самая сильная сторона творчества и стиля научной деятельности П.А. Жилина — непрерывный поиск, исследования, выдвижение перспективных задач, активность, неиссякаемая энергия. Для Жилина диалектика, опора на закономерности развития науки, общества, исторического процесса, глубокое видение противоречий, смелость, ответственность — непреложный закон, сущность его личности, общественная жизненная позиция. Вот почему трудом института, созданным лично начальником, под его руководством, при его участии уготована долгая жизнь: они верны истине. Они неотратимы в главном, основном. Они ведут читателя по дороге правды, истины. Они, в числе не-

многих в современном обществе, заслуживают грифа "Исторически достоверно"».

Значимость работ П.А. Жилина по истории Отечественной войны 1812 года была отмечена в выступлении А.Ю. Безугольного, по истории Великой Отечественной и Второй мировой войн — генерал-майора С.А. Тюшкевича и майора В.Ю. Хахалева, разработанных под его руководством военно-энциклопедических трудов — полковника С.Б. Масляя. Не остались без внимания вопросы организации П.А. Жилиным зарубежного сотрудничества (Н.В. Васильева, М.В. Чинаева), особенности подбора и подготовки научных кадров (А.В. Усиков) и др.

При этом в большинстве докладов и выступлений коллег и последователей Павла Андреевича была дана оценка его деятельности и свершениям как военного историка и руководителя института. Однако для молодых учёных — военных историков безусловный интерес представляет раннее научное творчество П.А. Жилина — подполковника, научного сотрудника отдела военной истории редакции журнала «Военная мысль». На данную должность он был назначен в мае 1947 года.

Первым редакционным заданием П.А. Жилина стало участие в заседании военного сектора Института истории Академии наук СССР в июне 1947 года, ход которого он осветил в августовском номере журнала¹. На заседании обсуждался вопрос периодизации истории военного искусства. Он был связан с необходимостью создания учебного курса истории военного искусства. «Вузы не имеют учебного пособия по истории военного искусства — одной из важнейших дисциплин в формировании советской военной идеологии», — так говорил об актуальности проблемы П.А. Жилин в том же году,

но уже на страницах журнала «Морской сборник»². Однако прежде чем приступить к его разработке, требовалось решить «неотложную задачу» — разработать научную периодизацию истории военного искусства.

На страницах «Морского сборника» в декабре 1947 года Павел Андреевич выступил с анализом предложенных к тому моменту пяти схем периодизации истории военного искусства. Издание Военно-морского флота было выбрано им не случайно: среди проектов был и проект военно-морских историков (так их называл П.А. Жилин), которые предлагали разрабатывать историю военно-морского искусства вне хронологических рамок периодов и этапов истории военного искусства, а также использовать при этом свои критерии периодизации. Заслуживает особого внимания тот факт, что 34-летний научный сотрудник подполковник Жилин в этой статье не только критически оценил каждую из предложенных ранее схем, но и предложил собственную, дав ей научное обоснование. Периодизация истории военного искусства, сформулированная Павлом Андреевичем, предусматривала четыре периода развития: история военного искусства Древнего мира, история военного искусства средних веков, история военного искусства нового времени, история военного искусства новейшего времени.

В том же 1947 году выходит в свет и третья научная работа П.А. Жилина, подготовленная на этот раз уже в рамках его диссертационного исследования. В сентябрьском номере «Военной мысли» он публикует статью о подготовке М.И. Кутузовым контрнаступления в 1812 году³. Примечательно, что уже тогда у Павла Андреевича проявляются собственные научные взгляды на понятие ко-

Генерал-лейтенант П.А. Жилин

ЗАКРЫТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «ЗА ИСТОЩЕНИЕМ НАХОДИВШИХСЯ В ЕГО РАСПОРЯЖЕНИИ СРЕДСТВ»

Благотворительная деятельность Порт-Артурского комитета
в 1905—1906 гг.

Аннотация. В статье исследуются некоторые подробности благотворительной деятельности в интересах защитников Порт-Артура в 1905—1906 гг.

Ключевые слова: Русско-японская война; Порт-Артур; благотворительная помощь; морально-нравственная поддержка.

Summary. The article considers some details of charitable activities for Port Arthur defenders' benefit in 1905—1906

Keywords: Russian-Japanese war; Port Arthur; charitable help; moral support.

ОДНИМ из ключевых событий Русско-японской войны 1904—1905 гг. стала оборона крепости Порт-Артур. В течение многих дней и ночей, будучи отрезанным от основных сил русской армии, её гарнизон оказывал героическое сопротивление вражеским войскам. В тяжелейших условиях блокады с суши и моря он отразил несколько штурмов. В боях за «тихоокеанский Севастополь», как прозвали в народе Порт-Артур, сравнивая его с легендарной русской твердыней на Чёрном море, японцы потеряли свыше 110 тыс. человек¹. Значительные силы противника оказались надолго прикованы к крепости, и, несмотря на капитуляцию гарнизона 20 декабря 1904 года*, планы Японии по быстрому разгрому русских войск в Маньчжурии были сорваны. Как отмечал очевидец осады, корреспондент лондонской газеты «Daily Mail» Б.В. Норригаард, «защитники крепости более чем исполнили свой долг, и ничего, кроме похвалы за их решение, не было слышно от японцев, так долго бывших их противниками»².

После сдачи крепости в японском плену оказались более 30 тыс. её защитников³. Солдаты и матросы должны были прибыть на сборные пункты для последующей отправки в лагерь на территории Японии. Офицеры могли свободно вернуться в Россию с обязательством не участвовать в боевых действиях. Избежать плена удалось и небольшой части портартурцев, оказавшихся на эскадренных миноносцах и катерах, осуществивших удачную попытку

прорыва в китайские порты накануне передачи крепости японцам⁴.

Уже в декабре 1904 года российское правительство начало обсуждать проект мер «для достаточного материального обеспечения» защитников крепости и их семей⁵. Особое совещание, организованное из представителей Военного и Морского министерств, а также Министерства финансов, в октябре 1905-го внесло в Государственный совет представление о поддержке из казны участников обороны Порт-Артура и их ближайших родственников⁶. 2 января 1906-го представление было утверждено императором Николаем II⁷.

Наряду с государственными получили развитие общественные инициативы. В январе 1905 года в Санкт-Петербурге был образован Порт-Артурский комитет, задачей которого провозглашалось «оказание быстрой, деятельной и в широких размерах помощи героям — защитникам Порт-Артурской твердыни»⁸. Учреждение состояло под высочайшим покровительством императрицы Марии Фёдоровны; пост почётной председательницы занимала принцесса Е.М. Ольденбургская, а её помощницы — графиня Н.Ф. Карлова. В состав комитета также входили герцог Г.Г. Мекленбург-Стрелицкий, камер-фрейлина Е.С. Озерова, княгиня Е.А. Святополк-Мирская, граф А.В. Орлов-Давыдов, члены Государственного совета В.С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий и Н.П. Балашев, сенаторы П.П. Семёнов и Э.А. Ватаци, секретарь императрицы Марии Фёдоровны А.А. Голенищев-Кутузов, гене-

рал-лейтенант М.А. Газенкамф и другие. Управляющим делами являлся директор Императорского Александровского лицея А.П. Саломон. Благотворители оказывали помощь армейским и морским чинам и их семьям, находившимся в осаждённой крепости, при этом не обходили вниманием и гражданских лиц, «оставшихся в Порт-Артуре из чувства долга»⁹.

Источником поступления денежных средств в фонд комитета были пожертвования. Пожелавшие делать их частные лица обращались в приёмную учреждения (особняк графини Н.Ф. Карловой), в канцелярию императрицы Марии Фёдоровны, в контору принца и принцессы Ольденбургских, а также отправляли почтовые переводы.

Графиня Н.Ф. Карлова рассылала письма губернаторам, председателям земства и председателям дворянских управ с призывом оказать содействие Порт-Артурскому комитету и принять меры к широкому ознакомлению населения с его деятельностью. На эту просьбу откликнулся, в частности, генерал-губернатор Степного края, командующий войсками Сибирского военного округа Н.Н. Сухотин, издавший приказ учреждениям и должностным лицам вверенных ему территорий об оказании всестороннего содействия комитету, а также поручивший Степному попечительству о вдовах и сиротах воинов, призванных на войну с Японией, сообщать благотворителям о нуждавшихся семьях портартурцев¹⁰.

Объявления о деятельности Порт-Артурского комитета регулярно публиковались в «Правительственном вестнике», столич-

* Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

А.П. ЕРМОЛОВ: СТРАТЕГ И ДИПЛОМАТ

Аннотация. В статье рассказывается о назначении в 1816 г. генерал-лейтенанта А.П. Ермолова главнокомандующим в Грузию и одновременно чрезвычайным и полномочным послом в Персии (Иране); об успешных, хотя и сложных переговорах с шахом Фетх-Али, направленных на закрепление за Россией областей, отошедших к ней по Гюлистанскому мирному договору 1813 г.

Ключевые слова: Кавказский театр военных действий; Отдельный Кавказский корпус; А.П. Ермолов; Грузия; завоевания Персии на Кавказе.

Summary. The article tells about appointment in 1816 of lieutenant-general A.P. Yermolov as the commander-in-chief in Georgia and at the same time as the extraordinary and plenipotentiary ambassador to Persia (Iran), successful, though difficult, negotiations with Shah Feth Ali aimed at attaching to Russia the regions ceded to it by the peace treaty of Gulistan in 1813.

Keywords: Caucasian theater of war; Separate Caucasian corps; A.P. Yermolov; Georgia; conquest of Persia in the Caucasus.

В МАЕ 1816 года генерал-лейтенант А.П. Ермолов рескриптом императора Александра I был назначен главнокомандующим в Грузию. Решение государя не стало для Алексея Петровича неожиданным. Более того, Ермолов сам этому немало способствовал. Должность командира Гренадерского корпуса в мирное время с её придворными функциями тяготила боевого генерала. Это было поприще тех, кого он называл «героями вахт-парадов и обитателями передних», в массовом порядке появившихся после окончания войны.

Пассионарность же Ермолова и его особое восприятие собственного долга перед Отечеством требовали непосредственного и активного участия в событиях и процессах, в которых он мог бы играть значимую роль и принести реальную пользу государству. Служба, как он сам признавался, была его «единственной целью» и «господствующей страстью»¹. Ещё в феврале 1816 года в письме к своему боевому товарищу А.А. Закревскому (дежурному генералу Главного штаба русской армии) Алексей Петрович писал: «Поистине скажу тебе, что во сне грезится та сторона [Грузия]... Не упускай случая помочь мне и отправить на восток»².

Очевидно, А.А. Закревский действительно сыграл определённую роль в назначении Ермолова, доведя его слова до государя, который говорил, что едва ли принял бы такое решение, если бы не был уверен в желании самого Алексея Петровича возглавить войска Кавказского корпуса.

В мае 1816 года Ермолов в письме к другому своему боевому товарищу князю М.С. Воронцову сообщал: «Боялся я остаться в Гренадерском корпусе, где бы наскучила мне единообразная и

А.П. Ермолов

недеятельная служба... Теперь вступаю я в обширный круг деятельности. Были бы лишь способности, делать есть что! По справедливости могу назваться балованным сыном счастья»³.

Следует отметить, что стремление служить на Кавказе зародилось у Ермолова ещё в период его участия в 1796 году в Персидском походе Экспедиционного корпуса под командованием В.А. Зубова. Именно тогда Алексей Петрович впервые познакомился с Кавказом и был влюблён этим краем, притягивавшим не только своим величием, но и масштабностью задач, которые, как он уже тогда понимал, предстояло решать здесь России.

Надо сказать, что кавказское направление длительное время в силу целого ряда причин оставалось как бы в тени внешнеполитической стратегии России, несмотря на то, что уже со времён Петра I обозначилось в качестве приоритетного. В 1722 году царь-реформатор после «окна» в Европу «прорубил окно» и в Азию на территории современного Дагестана. Смерть Петра I и последовавший затем период междуцар-

ствия, насыщенный борьбой за власть между различными группировками, значительно ослабили позиции России в регионе. Только при Екатерине II кавказское направление вновь обрело для империи серьёзное значение. При этом Кавказ рассматривался, с одной стороны, как военно-стратегический рубеж на южных границах империи, с другой — как важнейший плацдарм в рамках реализации амбициозного «греческого проекта» Екатерины II, предполагавшего раздел Турции и образование «Греческой державы» во главе с великим князем Константином Павловичем, в соответствии с чем строились и отношения с народами региона. Свою позицию по данному вопросу Екатерина II обозначила указом от 28 февраля* 1792 года, подчеркнув, что следует «не единою силою оружия... побеждать народы, в неприступных горах живущие... но паче правосудием и справедливостью, приобретать их к себе доверенность»⁴. Таким образом, на Кавказе сложились такие формы правления, когда сами правители, находясь в вассальной зависимости от российского императора, сохраняли абсолютную власть по отношению к своим подданным. Павел I в целом продолжил⁵ политику екатерининского протекционизма по отношению к народам Кавказа, стараясь не вмешиваться в их внутренние дела, но всё же ему пришлось нарушить эту устойчивую традицию. Что же произошло?

Как отмечал по этому поводу В.О. Ключевский, «в конце XVIII века правительство России, ставшей на реках Кубань и Терек перед Кавказским хребтом, совсем не думало переходить горы», поскольку, по словам историка, не

* Все даты приводятся по старому стилю.

БЕРЕГОВАЯ ОБОРОНА АРХАНГЕЛЬСКА В XVIII ВЕКЕ

Аннотация. Публикация посвящена истории организации и действий флотилии береговой обороны, защищавшей Архангельск в 1701–1801 гг.

Ключевые слова: Архангельск; береговая оборона; брандеры; канонерские лодки.

Summary. The publication is devoted to the history of the organization and actions of a flotilla of the coastal defence protecting Arkhangelsk in 1701–1801.

Keywords: Arkhangelsk; coastal defence; brander; gun boats.

СИСТЕМА обороны Архангельска от вражеского вторжения с морского направления начала складываться в 1701 году со строительства Новодвинской крепости. Одновременно с её возведением в дельте Северной Двины создавалась и система береговых батарей, которые должны были перекрыть все возможные пути движения флота неприятеля со стороны Белого моря. Справедливость выбора такого решения подтвердила победа 25 июня (6 июля) того же года над шведской эскадрой под командованием К.Х. Лева.

Строительство фортификационных сооружений береговой обороны, предназначенных для отражения нападения противника, из-за ширины водной поверхности потребовало комплексного подхода к решению этой задачи. В системе обороны были применены боновые заграждения и наплавной мост, укрепленный мощной железной цепью¹.

После поражения русских войск под Нарвой в начале Северной войны (1700–1721) Пётр I ожидал активизации действий шведов, в том числе и на Севере России. Реальная угроза нависла над единственным российским морским портом — Архангельском. Царь, вынужденный действовать быстро и понимавший сложность организации обороны в разветвленной дельте Северной Двины, принял решение построить шесть брандеров. По этому поводу он повелел: «Порозжие суды собрат и устроит на брандир к зажиганию неприятельских караблей, чтоб их возможно было совершенно помешат и пожечь»². До известного боя (лето 1701 г.) ни одного брандера изготовить не

успели. Однако не скрываемая, а возможно даже демонстративная постройка их у крепости, которую не могли не заметить иностранные моряки, надо полагать, вынудила шведов отказаться в дальнейшем от попыток вести речные военные действия в дельте Северной Двины. Из шести «зажигательных судов», заложенных по царскому указу для обороны Архангельска, лишь один был готов к августу 1701 года³, а остальные достраивались позже⁴. Голландский путешественник К. де Бруин, побывавший в сентябре 1701-го у Новодвинской крепости, заметил, что «тут же приготавлили три брандера...»⁵. Руководили их строительством иностранные комендоры Германус Дербен (Дебрэнн), Леваин Бекен (Беккер) и Гербрант Принс⁶.

Идея усиления береговых укреплений дополнительной огневой мощью с воды получила своё развитие уже весной 1702 года, когда в Архангельск прибыл вице-адмирал К.И. Крюйс. Он, по сведениям исследователя, находился у Новодвинской крепости, куда ему были отправлены припасы для четырёх брандеров и двух «барок пушечных». Барки, изготовленные 18 плотниками всего за 6 дней, имели «пушечные окошки» (вероятно, некие варианты плавучих батарей, предназначенные для усиления обороны двинских устьев)⁷. Таким образом, можно заключить, что из 6 брандеров, строившихся в 1701-м, к концу года были готовы только 4, а 2 барки были сделаны, не исключено, по инициативе К.И. Крюйса.

Если обратиться непосредственно к документу, на основании которого исследователь опубликовал вышеприведён-

ную информацию, то можно выяснить, что готовились новые боевые плавсредства в окрестности селения Красное (Мурманском устье Северной Двины)⁸. Из спецификации материалов, израсходованных на их строительство, можно определить, что на каждом судне устраивали по 14 орудийных позиций⁹.

В отписных книгах воеводы Петра Алексеевича Голицына, составленных в начале 1707 года, об имевшихся в дельте Северной Двины брандерах сообщалось следующее: «На Марковом острове на берегу два брандера ветхие утлые... В речке Елоуше на воде три брандера, а на тех брандерах всякие снасти, и в них зажигательные всякие припасы и снасти»¹⁰. Кроме того, на Мурманском устье (на съезде солдатском дворе) хранилось 10 скорострельных пушек на вертлюгах¹¹, которые не были установлены на позициях. Вероятнее всего, эти орудия остались от одной из «плавучих батарей», изготовленных под руководством К.И. Крюйса в 1702-м.

12(23) июля 1708 года Пётр I приказал приготовить Архангельск к отражению нападения неприятельского флота¹². В указе царь сообщил об угрозе и требовал от воеводы «на Малой Двинке в крепости, також и в прочих устьях по фортециям поставить по болворкам пушкам, и сделать в которых местех прилично, и где неприятелю по чаянию возможно в котором устье в реку караблями или мелкими судами с людьми проитит, батереи и поставить на оные пушки, також поставить на воде в опасным местех прамы с пушками, где пристойно и велет учинить брандеры»¹³, чтобы

«ВСЕЙ ДУШОЙ МОКРОУСОВ НЕНАВИДИТ КОМИССАРОВ, НЕ ПРИЗНАЁТ НИКАКИХ ПРИКАЗОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ И Т. СТАЛИНА»

Организационные и кадровые вопросы
в деятельности крымских партизан в 1941—1944 гг.

Аннотация. В статье рассказывается об организационных проблемах в партизанском движении Крыма в 1941—1944 гг., конфликте между партизанским руководством и командованием армейских частей, оказавшихся в тылу немецко-фашистских войск, недостатках в продовольственном обеспечении партизан.

Ключевые слова: крымские партизаны; крымские татары; А.В. Мокроусов.

Summary. The article describes the Crimean partisan movement's organizational problems in 1941—1944, the conflict between the partisan leadership and command of army units caught in the rear of the German fascist troops, shortcomings of partisans' food supply.

Keywords: Crimean partisans; Crimean tatars; A.V. Mokrousov.

Крымские партизаны — особая страница в истории движения Сопrotивления немецко-фашистским оккупантам в годы Великой Отечественной войны. Может быть, за ними и нет таких громких дел, как, допустим, у партизан Брянщины, но они действовали в условиях высокой концентрации войск противника, причём самый продолжительный по сравнению с другими регионами период времени — 900 суток. В эти годы полуостров не раз являлся ареной жестоких сражений, ибо линия фронта проходила то по Перекопу, то под Севастополем, затем под Керчью и вновь на Перекопе и в Керчи. Всего на оккупированной территории Крыма действовали около 30 партизанских отрядов и более 60 подпольных организаций и групп. Боевая работа партизанских отрядов проходила в основном в Зуйских, Старокрымских и — в большей степени — в лесах заповедника, в них насчитывалось в разное время от нескольких сот до 5000–6000 человек, и немцы, по свидетельству фельдмаршала Манштейна, так и не смогли с ними справиться, хотя для этих целей им не раз приходилось отзывать с фронта части вермахта.

ПРИНЯТО считать, что начало партизанскому движению на полуострове было положено постановлением Крымского обкома ВКП(б) от 7 июля 1941 года № 1226 «О формировании народного ополчения». 15 июля генерал-лейтенант П.И. Батов, командовавший в то время 9-м стрелковым корпусом в Крыму, издал приказ о назначении командующим этим ополчением подполковника А.В. Мокроусова¹. Казалось бы, факт совершенно обыденный, однако в действительности всё обстояло гораздо сложнее, так как,

судя по всему, этот несколько необычный пост был придуман П.И. Батовым специально для А.В. Мокроусова, личности весьма незаурядной.

Родился Фома Матвеевич Мокроусов 9(21) июня 1887 года в посёлке Поньры ныне Золотухинского района Курской области. Псевдоним «Алексей Васильевич» появится много позднее и со временем вытеснит настоящее имя и отчество. На военную службу призван в 1908 году, в 1912-м, спасаясь от ареста за участие в революционном движении, бежит за границу. Мыка-

А.В. Мокроусов

ется по Швеции, Дании, Англии, Австралии, Аргентине, работает на судах торгового флота. В 1917 году, сразу же после Февральской революции, возвращается в Петроград, где с головой погружается в водоворот революционных событий: во главе отряда моряков в октябрьские дни он захватывает Центральный телеграф.

В 1918 году в Севастополь приезжает из Петрограда большая группа профессиональных революционеров, своего рода «экспортёров революции». Один из них — Мокроусов. Энергичный, решительный, повидавший едва ли не весь мир, он становится одним из наиболее ярких

«СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ, ПОХОЖЕ, ИЗБЕГАЮТ ВСЕСТОРОННЕГО И ГЛУБОКОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ»

Отражение на страницах современных периодических изданий деятельности
Д.А. Милютин в должности военного министра (1861—1881 гг.)

Аннотация. В статье проводится историографический анализ некоторых публикаций, освещающих милютинские военные реформы.

Ключевые слова: Д.А. Милютин; военные реформы; противоречивые идеи и оценки.

Summary. The article gives historiographical analysis of some publications covering Milyutin's military reforms.

Keywords: D.A. Milyutin; military reforms; conflicting concepts and evaluations.

«Военно-исторический журнал» не однажды помещал на своих страницах статьи, посвящённые деятельности Д.А. Милютин. Впрочем, на эту неординарную личность обращали своё внимание и многие другие нынешние периодические издания. Автор данной публикации, не проводя глубокого исследования деятельности военного министра России генерал-фельдмаршала Дмитрия Алексеевича Милютин, тем не менее встречает, на его взгляд, много противоречий в современных оценках «милютинской темы». Думается, его критический анализ, тоже не всегда бесспорный, заинтересует наших читателей.

НА СОВРЕМЕННОМ этапе развития отечественной историографии освещение военной деятельности Д.А. Милютин со всей очевидностью происходит главным образом не за счёт капитальных научных трудов, а благодаря публицистическим статьям в периодических изданиях¹. Подобные особенности в оценках «милютинской темы» начали проявляться, смею утверждать, ещё в начале 1990-х годов. Так, в «Военно-историческом журнале» была опубликована статья М.Н. Осиповой «После Крымской войны», одна из первых работ в современной историографии, отражавшая военную деятельность Д.А. Милютин². Примечательно, что в ней сделана попытка совместить прошлый, милютинский, опыт с «духом демократических идей», распространившихся в России лозунгами гласности и плюрализма мнений ещё со времён «горбачёвской перестройки». Исходя из этого, весьма естественным выглядит мнение автора статьи о том, что все проекты были просто воплощение милютинских идей, а результат «всестороннего обсуждения», вырабатываемого «на основании большинства мнений»³. Однако в дальнейшем М.Н. Осипова всё же сочла необ-

ходимым уточнить, что «первую скрипку в этом нелегком и ответственном деле», несмотря на наличие подобных демократических процедур, «играл военный министр Д.А. Милютин». Данные авторские трактовки достаточно парадоксальны. Они со всей очевидностью демонстрируют особенности политического сознания русских людей, которое складывалось и продолжает складываться под воздействием отголосков авторитарного режима.

Несмотря на попытку по-новому осветить отдельные аспекты деятельности военного министра, М.Н. Осипова при раскрытии причин, сущности, содержания и итогов милютинских реформ всё же использовала методологическую базу прошлых лет. Опираясь на марксистскую теорию общественных формаций, она выделила основные предпосылки буржуазных реформ 60—70-х годов XIX века. При этом на первое место поставила Крымскую (Восточную) войну (1853—1856 гг.) и обострившиеся классовые противоречия в связи с поражением в ней России. Использование марксистско-ленинского учения о войне и армии позволило автору утверждать, что причинами упомянутых военных реформ были «сложная международная обстановка, дальнейший

рост вооружений главнейших европейских государств», а также желание царского правительства эффективно осуществлять внешнюю политику.

Особую актуальность, научно-практическую и теоретическую значимость исторический опыт милютинских преобразований приобрёл на современном этапе развития Вооружённых сил. Показателен такой пример. В 1996 году в честь 180-летнего юбилея со дня рождения Д.А. Милютин в периодическом издании Генерального штаба ВС РФ появились публикации, посвящённые его деятельности на посту военного министра⁴. В них нашла отклик злободневная на то время проблема сокращения численности армии и флота, причём авторы этих публикаций вступили в своеобразную дискуссию. Один из них, ссылаясь на опыт милютинских реформ, доказывал, что «даже значительное сокращение численности вооружённых сил не приводит к снижению военных расходов». Другой же, оспаривая подобную точку зрения, выдвигал иную, «с опорой» на самого Д.А. Милютин. Тот же утверждал, что действительно «каждая держава для сбережения своих расходов старается содержать в мирное время возможно меньшую армию, но вместе с тем имеет наготове обеспеченные средства к развитию ее в военное время». Первый публикатор, рассматривая с различных позиций вопрос о предпосылках к изменению в системе комплектования русской армии во второй половине XIX века, пытался убедить читателей в обусловленности войной между Пруссией и Францией и агрессивной политикой Англии предложения Милютин «разработать закон о введении воинской повинности».

«В СВЯЗИ С ОТСУТСТВИЕМ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

Судьба флагмана 1 ранга И.М. Лудри

Аннотация. В статье показан жизненный путь видного советского военно-морского деятеля, участника Октябрьской революции и Гражданской войны флагмана 1 ранга И.М. Лудри.

Ключевые слова: И.М. Лудри; Морские силы РККА; репрессии на флоте в 1937—1938 гг.

Summary. The article shows the course of life of prominent Soviet naval leader, the October revolution and Civil war's member flag-officer 1 rank I.M. Ludri.

Keywords: I.M. Ludri; Naval forces of the Red army; repressions in the Navy in 1937—1938.

Одним из первостроителей Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ) был флагман 1 ранга И.М. Лудри, неизменно занимавший командные посты в руководящих структурах флота. Он возглавлял Морские силы Каспийского моря (1921—1923 гг.), береговую оборону, затем штаб Морских сил Чёрного моря (1930 г.), Учебно-строевое управление УВМС РККА (1931—1932 гг.), ряд лет являлся заместителем начальника Морских сил РККА (1932—1937 гг.). Однако, как и многие его сослуживцы, был репрессирован по ложным обвинениям и погиб. Реабилитировали И.М. Лудри через двадцать лет.

ИОХАН (Иван) Мартынович Лудри родился 16(28) января 1895 года на хуторе Эрма в деревне Халлисте волости Абья (Пярнуского уезда) Лифляндской губернии в крестьянской семье¹. Окончив весной 1911 года так называемое Министерское училище в Лаатре, поступил в двухгодичную Кронштадтскую школу юнг, готовившую унтер-офицеров для флота. Иохан (теперь его уже называли Иваном) заинтересовался артиллерией и был направлен в класс артиллерийских унтер-офицеров на учебное судно «Пётр Великий». Первую мировую войну И.М. Лудри встретил комендором на новом линкоре «Полтава», на котором и прослужил по сути все военные годы, получив в 1915 году чин артиллерийского унтер-офицера 2-й статьи.

Бригада новых линейных кораблей, в которую входил линкор «Полтава», в основном стояла на рейде Хельсинки или в Аландских шхерах в ожидании, когда флот неприятеля начнёт прорыв в Финский залив. Но тот прорываться и не думал, так что бригада линкоров бездействовала, в матросских массах началось «брожение». И.М. Лудри также не остался в стороне от революционных процессов на флоте и после Февральской революции был избран членом судового комитета своего линкора. Надо отдать должное этому комитету: он

не допустил кровавых расправ с офицерами, которые в марте прокатились по кораблям, стоявшим в Хельсинки и Кронштадте.

Октябрьскую революцию Лудри встретил тоже на линкоре «Полтава», затем проделал вместе с ним знаменитый «Ледовый поход». После прибытия в Кронштадт Лудри был избран в так называемый Военно-морской комитет Кронштадта, в руках которого в то время находилась вся власть в городе. Вскоре ему пришлось участвовать в первых боях с интервентами и белогвардейцами. В сентябре 1918 года Иван Мартынович вступил в РКП(б)².

В этот период И.М. Лудри как одному из руководителей Военно-морского комитета пришлось решать следующие вопросы: эвакуация форта Ино; подавление беспорядков на эсминцах Минной дивизии; отправка из Кронштадта людей и техники на создававшиеся озёрные и речные флотилии; организация десантного отряда для Усть-Нарвы³. С 9 ноября 1918 по май 1919 года И.М. Лудри являлся военным комиссаром Кронштадтской военно-морской базы⁴, а в июне 1919 года, когда произошло антибольшевистское восстание в фортах Красная Горка и Серая Лошадь, был назначен членом комитета обороны Петрограда и главным комиссаром матросских отрядов, направленных на пода-

И.М. Лудри

вление восставших⁵. С одним из таких отрядов Лудри участвовал в боях против Юденича, одновременно выполняя обязанности коменданта Кронштадта.

Деятельность Лудри на посту комиссара не осталась незамеченной. В сентябре 1919 года он получил назначение на ту же должность на Онежскую военную флотилию⁶, которой в ту пору командовал Э.С. Панцержанский, и принял участие в высадке тактического десанта в район станции Лижма, что привело к срыву наступления белых на Петрозаводск. За эти бои Лудри через десять лет был награждён орденом Красного Знамени⁷.

В начале 1920 года Лудри оставил пост комиссара флотилии. Некоторое время он работал председателем коллегии Прионежского районного управления водного транспорта Наркомата путей сообщения (НКПС), затем на других руководящих должностях, а в ноябре сменил север на юг, получив назначение на должность военного комиссара Морских сил Чёрного

«ХАЛХИН-ГОЛ. АВГУСТ 1939»

Аннотация. В статье рассказывается об учреждении в августе 1940 г. правительством Монголии памятного нагрудного знака для участников событий на реке Халхин-Гол в мае—сентябре 1939 г.

Ключевые слова: Монгольская Народная Республика; агрессия Японии; советско-монгольские войска; бои на реке Халхин-Гол; нагрудные знаки.

Summary. The article tells about establishment in August 1940 by the government of Mongolia of the commemorative badge for participants of the events on the river of Khalkhin-Gol in May–September 1939.

Keywords: Mongolian People's Republic; aggression of Japan; Soviet-Mongolian troops; battles on the river of Khalkhin-Gol; badges.

ВООРУЖЁННЫЕ конфликты в районе озера Хасан (июль—август 1938 г.) и у реки Халхин-Гол (май—сентябрь 1939 г.) были отмечены специальными памятными нагрудными знаками: советским значком «Участнику Хасанских боёв» (1939) и монгольским знаком «Халхин-Гол. Август 1939» (1940).

Монгольский знак представляет собой покрытый голубой эмалью круг, на котором изображён серебряный всадник с саблей в руке. Он был изготовлен на Монетном дворе, а закрутка (гайка) — на эмальерной фабрике «Московское товарищество художников». Над всадником развевается красное знамя с надписью «Август 1939», а на красной ленте внизу латинскими буквами сделана надпись «Халхин-Гол». На форумах коллекционеров последнее вызывает вопрос: «Откуда латиница в Монголии?» Ответ лежит в истории развития письменности в стране. За время существования Монгольской Народной Республики письменность в ней менялась трижды: первоначально использовалась старомонгольская вязь¹, на смену ей на недолгое время пришёл латинский алфавит, а затем — кириллица. Именно в этот переходный период и был учреждён знак.

Принято считать, что данным памятным знаком воины Красной армии не награждались², нет упоминаний об этом и в мемуарах участников событий³. Одна-

Слева — старшина Красной армии с монгольским памятным нагрудным знаком

Фото из коллекции А.Ш. Салихова

ко, судя по копии указа Народного Хурала МНР от 16 августа 1940 года, предоставленной военным атташе по вопросам обороны при Посольстве Монголии в России полковником Очирыном Энхбаяром автору данной статьи, им предполагалось награждать всех командиров, солдат и даже гражданских лиц, принимавших непосредственное участие в боях. Подтверждением тому служат и фотографии тех лет, в частности, таких участников событий, как полковники В.С. Агафонов, Г.Н. Костин, С.И. Токарев, подполковники Ф.Я. Спехов⁴, З.Н. Середа, майор И.В. Ярославкин и многие другие.

В то же время, действительно, многие участники конфликта данного памятного знака не получили. Например, автору по данному вопросу довелось общаться с В.Н. Гастелло — сыном легендарного советского лётчика Героя Советского Союза Н.Ф. Гастелло. Отец Виктора Николаевича служил в 1-м тяжёлобомбардировочном авиационном полку Северо-Кавказского военного округа (СКВО)⁵, откуда был командирован на восток и принимал участие в боях у реки Халхин-Гол в составе Особой группы ночных бомбардировщиков. Но в личном деле лётчика записей об вручении этого знака нет, нет этих знаков и на фотографиях, хранящихся в семейном архиве, отсутствуют они и на снимках других ветеранов полка, чьи фотографии можно видеть в юбилейных изданиях⁶.

На основании имеющихся материалов выскажу предположение: монгольские нагрудные знаки получали только те военнослужащие РККА, которые после окончания военного конфликта продолжали служить в Забайкальском военном округе (ЗабВО). Те же из них, кто после завершения боевых действий убыли к постоянным местам службы или были переведены в другие округа, остались без заслуженных наград.

И.Г. Новицкий

В.С. Агафонов

С.И. Токарев

ПО ОПЫТУ БОЁВ В АФГАНИСТАНЕ

Аннотация. В статье рассказывается о введении в Вооружённых Силах СССР полевой формы одежды образца 1984 г. и её конструктивных особенностях.

Ключевые слова: «афганка»; военное обмундирование; полевая форма.

Summary. The article describes introduction in the Armed Forces of the USSR of the field uniforms of 1984's sample and their design features.

Keywords: "Afghan" uniform; military uniforms; field uniform.

К 1979 году стало окончательно ясно — утверждённое постановлением Совета министров СССР от 30 мая 1969 года № 417 (приказ МО СССР от 26 июля 1969 г. № 190) обмундирование стремительно устаревает. Особенности нарекания вызывал полевой закрытый китель и длиннополая шинель — основной предмет зимней верхней полевой одежды образца 1969 года, которая оказалась весьма неудобной при работе с боевой техникой. В полной мере это подтвердили военные действия в Афганистане.

ПРОАНАЛИЗИРОВАВ опыт эксплуатации полевой одежды как в Советских Вооружённых силах, так и в армиях ведущих государств мира, Центральное вещевое управление Министерства обороны СССР разработало тактико-технические требования для новых видов военного обмундирования. Оно было изготовлено в количестве, необходимым для проведения всесторонних испытаний в восьми военных округах с различными климатическими условиями, а также в войсках, находившихся на территории Афганистана. Полученный опыт показал преимущества новых моделей, и постановлением Совета министров СССР от 5 июля 1984 года № 722-158 (приказ МО СССР от 19 июля 1984 г. № 0145) новая полевая форма одежды и десантное обмундирование были введены в Советской армии и морской пехоте Военно-Морского Флота. Так как в первую очередь они поступали в войска, которые вели боевые действия в Афганистане, полевую форму образца 1984 года в быту стали называть «афганкой». Заметим, что её официальное утверждение окончательно состоялось только 4 марта 1988 года, когда был подписан приказ МО СССР № 250 «О введении в действие Правил ношения военной формы одежды военнослужащими Советской Армии и Военно-Морского Флота».

Полевая форма образца 1984 года состояла из летней и зимней одежды. В летний комплект входили следующие основные предметы: полевые фуражка, куртка и брюки прямого покроя, сапоги и необходимое снаряжение; в зимний — шапка-ушанка прежнего образца, полевые утеплённые куртка и брюки, а также куртка и брюки прямого покроя, сапоги на меху или обыч-

ные. В ВДВ использовались как специальные десантные куртка и брюки прямого покроя, так и десантные зимние куртка и брюки. Вместо сапог могли применяться ботинки с высокими берцами¹.

Первоначально все предметы новой полевой формы армейской одежды должны были изготавливаться из хлопчатобумажной ткани защитного цвета или камуфлированной, в зависимости от имевшихся ресурсов, с последующим переходом только на камуфлированную ткань. Для морских пехотинцев эти предметы изначально предусматривалось шить исключительно из камуфлированной ткани.

Военнослужащие морской пехоты и ВДВ должны были носить полевую форму с тельняшкой, при этом первые нашивали на левый рукав свой нарукавный знак.

Летняя хлопчатобумажная фуражка (она именовалась именно фуражкой, хотя по конструкции скорее представляла собой хлопчатобумажный шлем) фасона кепи состояла из колпака, козырька и назатыльника с наушниками. Для защиты головы от атмосферных осадков, ветра, радиоактивной и обычной пыли, а также насекомых назатылочную часть с наушниками можно было отворачивать. Боковые стороны колпака имели по два вентиляционных отверстия. Застёгивающиеся наушники лучше удерживали головной убор на голове, на нём удобнее держался стальной шлем, козырёк обеспечивал защиту глаз от солнечного света, он хорошо сочетался с маской противогаза. На лобной части фуражки-кепи для офицерского состава, прапорщиков и военно-служащих сверхсрочной службы крепилась кокарда, для военно-служащих-срочников — пятиконечная звезда защитного цвета.

Летняя хлопчатобумажная куртка свободного покроя имела отложной воротник и центральную потайную застёжку спереди. На концах воротника размещались установленные для того или иного рода войск (службы) эмблемы защитного цвета. Вертикальные складки на спине позволяли подгонять куртку под фигуру солдата. На полочках, а также на внешней стороне рукавов располагались накладные карманы с застёгивающимися клапанами. Рукава, усиленные локтевыми накладками, имели застёгивающиеся на пуговицы манжеты. В талии и внизу куртка при необходимости стягивалась продёрнутыми шнурами. Вшивные погоны из ткани куртки со знаками различия защитного цвета застёгивались на пуговицы.

Летние хлопчатобумажные брюки прямого покроя с поясом и шлевками имели кроме часового по два внутренних и накладных кармана с застёгивающимися клапанами. Передние половинки брюк усиливались наколенными накладками, штанины заканчивались штрипками с пуговицами, внизу продевалась лента (шнур) для стягивания низков брюк².

Зимние хлопчатобумажные брюки прямого покроя имели в принципе ту же конструкцию, но изготавливались с утеплителем из полушерстяного ватина, высоким стёганым поясом, шлевками и пристёгивающимися бретельками³.

Зимняя хлопчатобумажная куртка имела отложной воротник из искусственного меха, съёмный утеплитель из полушерстяного ватина и шилась с байковой подкладкой, ветрозащитным клапаном с кокеткой, капюшоном и внутренней застёжкой спереди. Для офицеров, проходивших службу в особо холодных районах, и для офицеров морской пехоты воротник пола-

ЗВЕЗДА МОЕЙ СУДЬБЫ

Аннотация. К 90-летию газеты Министерства обороны РФ «Красная звезда» её ветеран делится воспоминаниями о редакционных буднях.

Ключевые слова: военная пресса; «Красная звезда»; воспоминания; юбилей; редакционный коллектив.

Summary. On the eve of the 90th anniversary of the RF Defence Ministry the "Red star" newspaper's veteran shares his memories of the editorial everyday life.

Keywords: military press; "Red star"; memories; anniversary; editorial staff.

1 января газете Министерства обороны РФ «Красная звезда» исполняется 90 лет. Сердечно поздравляя краснозвёздцев с юбилеем, публикуем воспоминания одного из ветеранов газеты полковника юстиции в отставке И.М. Вашкевича, трудившегося в редакции двадцать лет.

ОБ ИСТОРИИ нашей газеты написано немало, и к её 90-летию, уверен, появятся новые публикации. Думаю, читателям будут небезынтересны и эпизоды редакционной жизни, рассказанные старшими товарищами, а также те, свидетелем которых мне довелось быть самому.

О взлёте в главную военную газету страны мне, ответственному секретарю дивизионной газеты в Южной группе войск (Венгрия), не приходилось и мечтать. Но сработала система работы с авторским активом и подбора журналистских кадров. В 1961 году спецкор газеты ЮГВ «Ленинское знамя» майор Александр Щёлоков заметил мой очерк для сборника «Герои армейских будней»; через год,

придя в комсомольский отдел «Красной звезды», разыскал меня в общежитии юрфака Военно-политической академии имени В.И. Ленина и предложил сотрудничать.

Первым, кому он представил меня в редакции, был редактор комсомольского отдела Фёдор

К 90-летию газеты «Красная звезда»

Николаевич Халтурин, впоследствии заместитель главного редактора, генерал-майор. С этим отделом я сотрудничал все четыре года учёбы в академии. Перед выпуском редакция ходатайствовала перед начальником Главного политуправления Со-

ветской армии и Военно-морского флота генералом армии А.А. Епишевым о переводе меня из военной прокуратуры, куда был направлен по распределению, в редакцию. Назначение состоялось в сентябре 1966 года.

Постепенно познакомился со старожилами газеты, её историей и легендами. Первый номер «Звёздочки» вышел 1 января 1924 года. Ей, как говорилось в обращении к читателям, предстояло стать «лабораторией военной мысли всей Красной армии и флота». Первыми редакторами были известные большевики и военные деятели В.А. Антонов-Овсеенко, А.С. Бубнов, Я.Б. Гамарник.

Великую Отечественную «Красная звезда» встретила публикацией 24 июня знаменитых строк В.И. Лебедева-Кумача: «Вставай, страна огромная...», ставших песней на музыку А.В. Александрова «Священная война». В те годы газету возглавляли генерал-майоры Д.И. Ортенберг и Н.А. Таленский. В штате редакции состояли такие известные писатели, как Илья Эренбург, Константин Симонов, Алексей Толстой, Михаил Шолохов, Василий Гроссман, Андрей Платонов. 16 журналистов «Красной звезды» погибли на фронте, в их числе писатель Евгений Петров.

Бывалые краснозвёздцы поведали мне немало эпизодов, свидетельствовавших о том, каковы в то время были требования к качеству материалов. К примеру, однажды Эренбургу поручили подготовить передовую статью. Он написал. Ортенберг прочёл и сказал, что это не

И.М. Вашкевич
1966 г.

